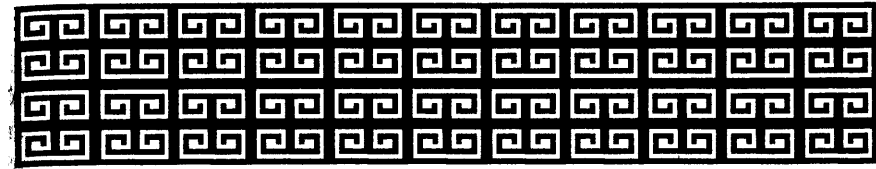

случае, когда у кормила правления стоял какой-нибудь Кромвель* или Перикл, так что, говоря снова слова Фукидида, народовластием «оно было лишь по имени, а в действительности было господством одного человека».** Для нас государственные судьбы Афин представляют в данный момент лишь второстепенный интерес, и мы можем остановиться на эпохе расцвета и на незабвенных делах сынов этого государства, не обращая внимания на тучи, собирающиеся вокруг них. Мы познакомимся теперь с одним из величайших из этих сынов, который стал родоначальником славных потомков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жизнь и деятельность Сократа

1. Во все столетия встречались ясные, холодные и сильные умы, редко также ощущался недостаток в горячих сердцах. Но соединение горячего сердца с холодным умом встречается редко, а самое редкое из всего — это необычайная работа сердца, направленная к тому, чтобы сохранить холодность ума, наподобие того как паровая машина поддерживает деятельность холодильника. Такая комбинация в большом масштабе встречается едва ли чаще, чем один раз в тысячелетие. И как бы для того чтобы вознаградить нас за свою редкость, она оказывает влияние, которое длится, не ослабевая, в течение ряда столетий. Такое явление почти противоестественно. Всякий энтузиазм имеет тенденцию не прояснять, а затемнять ум. Именно таково влияние аффекта. Он вызывает те представления, которые его питают, и устраняет те, которые не поддерживают его. Необходимое спокойствие при восприятии и обсуждении фактов возможно лишь там, где есть беспристрастие, т. е. отсутствие аффекта. Бенжамена Франклина называли энтузиастом трезвости. В гораздо большей степени эта характеристика подходит к Сократу. Господствующая в его могучей природе страсть, доходящая до упоения мученичеством, была направлена на просветление интеллекта. Он с такой же страстностью стремился к чистоте понятий, с какою мистик мечтает об единении с божеством. От него изошел тот импульс, который вызвал к жизни многочисленные школы, или, вернее, секты философов-моралистов, возмевшие угасающую религию для бесчисленного количества образованных лиц. Мы должны по достоинству оценить это необычайное историческое явление. В этом одна из задач настоящего сочинения.

* Оливер Кромвель — политический лидер английской буржуазной революции.

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

Сократ, сын ваятеля Софрониска, родившийся в Афинах в 469 до Р. Х.* или на несколько лет ранее, научился с ранней юности искусству своего отца. Произведение, вышедшее из-под его резца, представляющее Харит,** показывалось еще в поздней древности на акрополе, и не совсем невероятно, что найденный там рельеф в стиле той эпохи и есть именно его работа. Скоро, однако, Сократ отказался от занятия своим ремеслом, посвятил остаток своей жизни исключительно философии и стал мало заботиться о домашних делах; это, наверное, немало содействовало неприятностям семейной жизни с Ксантипой, от которой он имел трех сыновей.*** В философии его будто бы наставлял Архелай, уже известный нам ученик Анаксагора (I 324/25, 344), с которым Сократ был в близком общении некоторое время на острове Самосе. У нас нет основания не верить этому сведению, дошедшему от надежного и беспристрастного человека, трагика Иона из Хиоса; оно приведено им в его «Путевых картинах».**** Это тем более вероятно, что из всех систем натурфилософии именно в системе Анаксагора наибольшую роль играет понятие цели,⁵ которое имеет большое значение и у Сократа. Кроме того, Архелай был как раз тем анаксагорейцем, который в круг своих исследований, кроме естествознания, ввел и вопросы человеческой жизни. Таким образом, он был как бы предназначен для того, чтобы возбудить спекулятивный интерес в том, кто (говоря словами Цицерона) свел философию с неба на землю,***** т. е. на место вселенной центром исследования поставил человека. Но, по-видимому, ошибаются те, которые, отрицая свидетельство современника, не отвергаемое и Феофрастом, разделяются и с сообщениями других лиц, говорящих об этических исследованиях Архелая, ссылкой на то, что предполагаемого учителя Сократа нельзя себе представить без этической фило-

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

*** Старший сын Лампрокл и младшие Софрониск и Менексен. (Прим. ред.)

**** Ион Хиосский (ок. 490—422 гг. др н. э.) — поэт, автор трагедий и сатировых драм, сохранившихся во фрагментах. (Прим. ред.)

***** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

софии. Правда, этот анаксагореец заронил лишь искру в душу Сократа; богатый горючий материал, на который она попала, великий афинянин ни от кого не заимствовал. Самобытность его дарования ясно обнаруживается в неиссякаемом богатстве мыслей, в мелких чертах, рисующих его рассеянность, или в крайней самопоглощенности, почти одержимости проблемами, занимающими его в каждое данное время. «Когда однажды рано утром (в лагере у Потидеи) его охватило раздумье, он стоял на месте, и так как не мог осилить мысли, то, не уступая, продолжал стоять и размышлять. Наступил полдень, и они обратили на него внимание и с удивлением говорили один другому, что Сократ стоит с раннего утра на одном месте, размышляя о чем-то. Наконец, когда настал вечер и они уже поели, некоторые ионийцы вынесли свои постели — тогда было лето — отчасти для того, чтобы было прохладнее спать, отчасти — чтобы наблюдать, останется ли он стоять ночью. Он продолжал стоять до утра и до восхода солнца; тогда он помолился Гелиосу и ушел». Так рассказывает в платоновском «Пире» Алкивиад, бывший товарищем Сократа в этом походе.* Невольно вспоминается Ньютон, который однажды, погруженный в размышление, весь день просидел полуодетый на своей кровати. В другой раз, внезапно охваченный мыслями, он остался в догребе, куда спустился за бутылкой вина для своих гостей. Его бесстрашие на поле сражения, его равнодушие ко всему внешнему (которое Аристотель называет «благородством»),** его необыкновенная способность переносить холод и жару, голод и жажду, а также способность пить вино больше всех своих товарищей, совершенно не теряя при этом ясности ума, — обо всем этом рассказывается в платоновском «Пире» частью Алкивиадом, частью воспроизводится непосредственно перед нами. Что эта могучая натура была богато одарена сильными инстинктами разного рода и лишь впоследствии просветлена самовоспитанием, в этом чувствуется такая внутренняя правда, что мы не можем не поверить подобным сообщениям у древних. «Сирийский предсказатель и физиономист Зопир видел, — рассказывает Федон из Элиды, любимый ученик учителя, в своем

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

диалоге „Зопир“, — на лице Сократа отпечаток сильной чувственности». Когда окружавшая Сократа толпа учеников протестовала против такого мнения, он успокоил их замечанием: «Зопир правильно угадал, но я осилил свои страсти». Говорят, что этот человек с большим темпераментом был подвержен сильным приступам гнева.* Хотя это сообщение и недостаточно засвидетельствовано, но само по себе оно не представляет ничего невероятного. Это могло случаться с ним, но нечасто, ибо правильное наше представление о поразительной власти его воли над всеми аффектами. Его самообладание было необходимым условием избранной им деятельности. Главным занятием его жизни было вести разговоры. Вблизи меняльных столов на рынке, в аллеях, окружавших места для гимнастики, он постоянный посетитель. В одном месте с юношами, в другом со взрослыми он начинает разговоры о незначительных вещах, переходя постепенно и незаметно к самым важным проблемам; эти разговоры стали впоследствии образцом огромной отрасли литературы, сократического диалога, принятого его учениками и художественная форма которого перешла потом почти ко всем позднейшим философским школам. Если разговора с ним не избегали или, тем более, если его искали, то он не слишком давал чувствовать говорящим с ним свое превосходство над ними. Это было для него тем легче, что он избрал себе область, гораздо более похожую на его неоткрытую страну, нежели на подробно исследованную. Строго научное исследование человеческих вещей было совершенной новостью и Сократ имел основание утверждать вплоть до своей смерти, что он просто скромный искатель и что в нем нет гордости познавшего. Но он, конечно, намеренно подчеркивал эту скромность. «Ирония» есть слово, которым грек обозначает мистифицирование и в особенности полупутливое симулирование скромности или «самоуничужения» и которое представляет крайнюю противоположность высокопарному хвастовству и тому, что греки называли *alazoneia* (спесь).** Эта черта, так прекрасно гармонирующая с тонкостью аттического духа и установившимися в Афинах формами обхождения, чуждыми всего грубого и плос-

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

кого, особенно отличала Сократа. Указанное свойство афинского народа, культивирование этого приема в разговоре и удобство его применения именно в области исследования, избранной великим новатором, — все это вместе создало прославленную иронию Сократа, про которую столь же неверно будет сказать, что она маска, как и то, что она есть всецело его природное свойство. Среди людей, втянутых Сократом в разговор, попадались и люди очень самолюбивые, а результат разговора — доказательство отсутствия у них ясных понятий в тех вопросах, в которых они считали себя вполне осведомленными, — бывал нередко унизителен для них. Так что несмотря на всю «иронию» и другие предосторожности, разговор оставлял часто неприятное впечатление и тягостное воспоминание. Для Сократа все сводилось к тому, чтобы убедить самого себя и других, что самые важные вопросы суть еще нерешенные загадки, что слова и понятия, которые каждый доверчиво употребляет с детства, в действительности есть гнездо противоречий и неясностей! Пристыженность, с которой уходил собеседник, была не единственным неприятным чувством. Тот, кто ставит вопросы там, где до сего времени господствовало общее согласие, неизбежно заслужит кличку упряма и всезнайки, несмотря на всю свою скромность. Еще большее недоверие должен был вызвать к себе тот, кто затрагивал такие глубокие проблемы, как: «Что такое справедливость?», «Что такое благочестие?», «Каково лучшее государственное устройство?» Он легко мог показаться нарушителем общественного мира, опасным смутьяном и революционером. Ведь всякий, кто занят заложением основ общественного строя, редко избегает подозрения в том, что он именно хотел поколебать и разрушить эти основы. Если мы подумаем о том, насколько материальная необеспеченность и отсутствие занятия поддерживали эти подозрения, то нас должно удивлять, что он сам и его странная деятельность, совершенно выходящая из обычных рамок и проходившая так открыто, не подвергались притеснению в течение нескольких десятилетий;⁶ мало того, ему удалось сгруппировать вокруг себя многих весьма талантливых, а частью и аристократических, афинских юношей (например, Алкивиада, Крития и родственников последнего, Платона и Хармида), и даже «нищему болтуну», как его называли в комедии, не закрыт был досту-

в круг Перикла, стоявшего во главе государства. Из этого мы видим, как высоко ценились в афинском обществе ум и гений и как мало значения имели узкие условности и кичливость высшего класса. Но совершенно иначе должен был смотреть на странного человека средний афинянин, не говоря уже о людях, лично оскорбленных Сократом. Большая часть не знала о нем ничего, кроме того, что он постоянно ведет замысловатые разговоры, касающиеся высоких и священных предметов, что его не останавливает никакой авторитет, даже авторитет суверенного народа, которому повсюду льстят, что он с утра до вечера в одном и том же разорванном одеянии, «босой как бы назло сапожникам», с гордым видом, с пристальным взором бродит повсюду, так что честному гражданину должен был казаться праздным вором и вместе богохульствующим умником. Это именно впечатление и передали авторы комедий. Мишенью своих постоянных насмешек они избрали известного в городе человека с лицом Силена, со странными манерами, и его товарищей, «сумасшедшего Аполлодора» и худоцавого «полуживого, цвета самшитового дерева» Херефонта.*

2. Для изменения такого взгляда не представлялось случая. Слава Сократа как смелого солдата не выходила за пределы узкого круга его ближайших товарищей по оружию, так как он не бывал вождем. Не играл он роли и в гражданских войнах, бывших в Афинах в конце столетия. Тридцать тиранов могли даже вначале считать его своим вследствие его личных отношений к их главе, Критию.** Только этим объясняется, что он вместе с четырьмя другими лицами был послан арестовать противника олигархов, саламинца Лента. Но Сократ отказал в содействии; ибо как ни откровенна была его критика действительных или мнимых недостатков демократии, он все-таки совершенно не был склонен оказывать поддержку олигархическому террору. Сам по себе этот факт был слишком незначителен, чтобы снискать ему расположение народа, если он и был известен в широких кругах. Только однажды Сократ был при-

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

** После поражения Афин в Пелопоннесской войне тридцать аристократов захватили власть в городе в 404 г. до н. э. и установили олигархический строй. Одним из олигархов был Критий — ученик Сократа и родственник Платона. (Прим. ред.) См. прим. и доб. Т. Гомперца.

нужден принять участие в важном политическом акте, но это было мимолетно и без успеха.

В августе 406 года афиняне одержали блестящую победу на море около двух маленьких островков, называемых Аргинузами, находящихся между Лесбосом и малоазийским побережьем. Однако торжество было омрачено большим несчастьем. Вожди не приняли мер к спасению экипажей многих поврежденных кораблей, а также не пытались спасти тела безвозвратно погибших. Мы не можем сказать, насколько в этом действительно были виновны военачальники.* Не в их пользу, по крайней мере, говорит их противоречивый способ оправдания. Вначале они говорили, что разыгравшаяся буря помешала спасти потерпевших кораблекрушение, а затем, что два офицера, на которых было возложено дело спасения, промедлили. Когда дело разбиралось в первый раз в народном собрании, защиту обвиняемых выслушали спокойно и без предвзятости и решили передать дальнейший разбор дела совету пятисот. Но в это время произошло событие, изменившее дело. Праздновался древний и о н и ч е с к и й праздник Апатурии, во время которого афинский народ собирался по фратриям.** При этом фратриям показывались дети, родившиеся в течение года, они заносились в списки, дети школьного возраста читали наизусть стихи и т. д.; но главным образом приносились торжественные жертвы богам, стоявшим во главе фратрий. Это было в полном смысле семейное празднество, подобное нашему празднику Рождества. В это время недочет среди родных, произведенный в их рядах смертью, ощущался особенно остро. С новой силой возродилась еще не заглохшая злоба против тех, которые действительно или предположительно были виновниками того, что одни погибли, а другие, погибшие, оказались лишенными почести погребения, имевшего большое значение в религиозном представлении древних. Как бы для того, чтобы омрачить празднество, отцы и братья погибших ходили по городу в траурных одеждах, с остриженными волосами и возбуждали народные страсти.

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

** Праздник родового единства проходил четыре дня в месяце Пиа-непсоне (октябрь—ноябрь). Фратрия — союз нескольких родов (в Афинах обычно около тридцати), объединение фратрий составляло филу. (Прим. ред.)

Под этим впечатлением начался разбор дела в совете. В нем было принято предложение Калликсена. Народу было предложено отказаться от дальнейшего допроса военачальников и сразу решить вопрос об их вине, хотя и тайным голосованием. Приговор должен был иметь последствием казнь стратегов и конфискацию их имущества. Само народное собрание началось очень бурно. Было ли решение, предложенное Калликсеном, незаконным и в какой степени, об этом мнения лучших знатоков аттического государственного права расходятся. Во всяком случае оно противоречило духу конституции и было опротестовано Эвриптолемом и его товарищами. Этот протест оказал то действие, что разбор дела был прерван до того времени, пока суд не выскажет своего мнения о правильности протеста. Если бы он был признан, то автор решения и участвующие в нем подлежали бы строжайшему наказанию. Даже и в эту минуту, когда страсти так разошлись, собравшийся народ не пренебрег правовыми нормами. С одной стороны кричали: «Нельзя мешать народу иметь свою волю», с другой — возражали: «Народ должен уважать законы, им самим данные». Решающим моментом было, вероятно, появление человека, бывшего на одной из двадцати пяти погибших триер и с трудом спасшегося на бочке. Он сообщил, что последним желанием и просьбой умирающих товарищей было отомстить генералам, покинувшим храбрых и победоносных граждан. Эвриптолема угрозой привлечь к обвинению склонили отступить от протеста. Однако этим не было устранено всякое сопротивление. Порядком народного собрания заведовала комиссия из пятидесяти человек, называемых пританами, которые в продолжение десятой части года составляли перманентную комиссию совета. Очередь исполнения этой обязанности лежала в это время как раз на филе Антиохиде, к которой принадлежал Сократ. Большинство комиссии отказывалось поставить на голосование предложение Калликсена. Это вызвало снова бурю негодования, и снова сопротивление было сломано с помощью той же угрозы. Один Сократ (как сообщают его ученики, Платон и Ксенофонт) непоколебимо оставался при своем убеждении.

Однако дальнейшее рассмотрение дела пошло спокойно. Угрозы достигли только того, что предварительно вопрос был решен в смысле преобладающего настроения народа; но они не

могли нарушить правильный ход продолжения собрания. Защитник стратегов Эвриптолем не предлагал оправдания, он хотел лишь правильного ведения процесса, который согласно принятому, хотя и не обязательному для народного собрания, обычаю должен был происходить отдельно для каждого обвиняемого (декрет Каннона); его противник, Калликсен, поддерживал свое первоначальное предложение. Обе речи были выслушаны спокойно. Последовавшее голосование посредством поднятия рук оказалось благоприятным для Эвриптолема. Так, по крайней мере, заявило бюро, на обязанности которого лежал подсчет голосов. Но этот результат был оспариваем, может быть, не без основания. Возможно, что большинство пританов, которые только что уступили сильному давлению, не смогли быть вполне беспристрастными. Голосование было повторено, и на этот раз оказалось против Эвриптолема. Теперь оставалось последнее и тайное голосование; урны были наполнены камешками, которые должны были решить судьбу обвиняемых. Последовало осуждение, которое для шести находящихся в Афинах стратегов означало смерть, для других — конфискацию их имущества.

После акта насилия в Афинах обычно наступала реакция. Прошло несколько лет, и против агитаторов было возбуждено обвинение, которое закончилось изгнанием, а Калликсена привело к самоубийству. Вспомнили ли теперь о безуспешном сопротивлении странного чудака, называемого Сократом, также и вне круга его близких учеников, и научились ли больше ценить его после этого? Это возможно, но маловероятно. Для нас этот случай имеет двойкий интерес, как доказательство силы его характера и как луч света, освещающий его внешнюю жизнь. Если бы сократовская школа не сохранила воспоминание об этом эпизоде и не нашла его достойным упоминания, мы никогда не узнали бы, что наш философ был однажды членом совета и не уклонялся от участия в выборах по жребию на эту должность. Приходится верить Платону, что только эту должность Сократ и занимал. Но те самые мотивы, которые заставили его участвовать в этих выборах, должны были оказывать влияние и во многих других случаях. Может быть, более чем один раз он принимал участие в излюбленном занятии необеспеченных престарелых афинян и вместе с дарами друзей получал и скромную плату гелиастов (присяжных). Ведь место суда должно было давать пищу его стремлениям к познанию

«человеческих вещей». Главным источником этой пищи были, конечно, разговоры, которые являлись вспомогательным средством для его собственной работы мысли. Теперь время познакомиться с формой, содержанием и результатами исследований Сократа.

3. «Две вещи следует по справедливости приписать Сократу, — говорит его внучатый ученик, Аристотель, — индуктивные речи и установление общих понятий».* При этом речи эти служат образованию понятий. Слово «индукция» употребляется здесь в ином смысле, чем в современном языке. Для нас индукция есть умственная деятельность, которая из известного числа отдельных случаев выводит общую норму действительного бытия или действительных свойств. Индуктивным путем мы доходим до познания однообразия при сосуществовании и последовательности, будут ли это самые последние законы или выводные. Правильной индукцией мы узнаем, что все люди смертны, неправильной, ибо не совсем полной, — что все млекопитающие не кладут яиц, а производят живых детенышей. Сократовская индукция тоже идет путем сравнения отдельных моментов, но цель ее — получение не естественных норм, а норм понятий. Она стремится прежде всего к определению или дефиниции понятий. При этом она поступает двояким образом. Во-первых, она разбирает ряд моментов и стремится путем сравнения их получить общие признаки и отсюда вывести общее определение понятия. Во-вторых, она исходит от уже образованного, ходячего определения понятия и ставит своей задачей выяснить, насколько эти определения в действительности основываются на общих признаках охватываемых ими отдельных случаев или насколько эта общность является только видимостью, и какое нужно изменение, расширение или сужение определения понятия, чтобы общность признаков образовала его содержание. Аристотель различает два вида сократовской индукции; само это слово (греческое слово означает «ведение» к какой-нибудь цели) он сохраняет для первого, второй же вид он называет параболой — слово, которое вначале означало сопоставление в целях сравнения.** Платоновские диалоги, в осо-

* См. прим. и доб. Т. Гомперца. Ср. перевод А. В. Кубицкого: «...две вещи можно по справедливости приписать Сократу — доказательства через наведение и общие определения». (Прим. ред.)

** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

бенности первого, сократовского периода, полны примерами этого метода и послужат нам для освещения его. Следующий пример мы заимствуем у человека, отсутствие тонкости которого ругается за то, что он не сам выдумал эти примеры, а приписал их Сократу. «Однажды в кругу друзей, — рассказывает Ксенофонт,* — возник вопрос, что такое справедливость? Сократ предлагает написать в одном месте на песке первую букву одного понятия, в другом месте первую букву другого, а поступки, которые могут быть приписываемы одной и другой категории, подписывать под ними. Ко второй группе оказываются отнесенными ложь, обман, насилие и т. д. Затем указываются случаи, противоречащие такой группировке. Оказывается, что все эти поступки, когда они совершаются на войне против неприятеля, не признаются несправедливостью». Таким образом выясняется первая модификация. Указанные поступки попадают в рубрику несправедливости только тогда, когда их совершают в отношении друзей (в широком смысле слова). Но и на этом нельзя успокоиться. Ибо как отнестись к поступку, когда, например, военачальник хочет поднять дух своего войска неверным сообщением о подходе союзных сил? Или также когда отец подмешивает к еде лекарство, которое его больной ребенок отказывается принять, и благодаря такому обману вылечивает его? Или также когда опасение, что повергнутый в отчаяние друг может лишиться себя жизни, заставляет нас отобрать у него оружие? Является опять новая поправка прежних определений. А именно, для того чтобы вышеупомянутые поступки могли действительно считаться подвидами несправедливости, они должны быть совершены с намерением вредить лицам, на которых они направлены. Хотя это исследование и не заканчивается, собственно, определением понятия, но оно есть попытка классификации, которая подготавливает почву для определения. Вначале оно занимается только установлением объема, не содержанием понятия, о котором идет речь. По мере того как все точнее определялись свойства подвигов этого вида, открывался и путь к более точному определению границ содержания понятия. Какое бы ни оказалось, в конце концов, окончательное определение, но применение хитрости и насилия с целью нанесения вреда другим лицам, исключая неприятелей на войне, не будет там пропущено.

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

Но если Сократ и был прежде всего философом понятий и если исследования его вследствие этого были направлены на общее, то все же он очень медленно, осторожно и осмотрительно переходил от частного к общему. Ни одна черта его метода не засвидетельствована лучше. Он совершенно так же боится поспешных обобщений, как те исследователи, которых в новое время называют индуктивными. Мы постоянно вспоминаем советы Бэкона против недопустимых обобщений. Материалом для его обобщений были события и представления повседневной жизни и мысли. «В своих исследованиях Сократ всегда исходил из самого обычного и наименее сомнительного — он считал это самым правильным путем».* Так говорит Ксенофонт, и в данном случае он вполне совпадает с Платоном. В речах его постоянно фигурируют сапожники и кузнецы, валяльщики и повара, а также быки, ослы и лошади. Благодаря этому они получили немного тривиальный характер и вызывали насмешки, которые он всегда встречал с равнодушной улыбкой, с тем добрым доверием к божеству, которое для него означало веру в неизменную победу истины.

Этот его метод не ограничивался сферой образования понятий. Ведь понятия не что иное, как элементы суждения. Ничего нет удивительного в том, что Сократ стремился к ясности и правильности суждения не только этим посредствующим путем и что, в конце концов, он остался верным той же тенденции и вне пределов теоретического исследования. Если нужно исцелить юношу от незрелой веры в себя и поколебать его уверенность в способность вести государственные дела — Сократ расчленяет общее понятие государственного дела на отдельные элементы и незаметно приводит мнящего себя государственным человеком юношу с помощью вопросов и ответов, касающихся всех отраслей управления, к убеждению, что у него совершенно нет необходимых знаний. В другой раз тот же прием служит ему для противоположной цели. Внутренне зрелый, но чрезвычайно застенчивый молодой человек боится выступить в народном собрании. Рядом вопросов ему доказывается, что у него нет оснований испытывать страх ни перед одним из классов, из которых составляется народное собрание, а потому нечего

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

бояться и собрания в целом. Если знание дела является необходимым условием всякой общественной деятельности, то кто же станет выбирать по жребию людей на должность врача, рулевого или плотника, вместо того чтобы поручить эти дела специалистам. Это довольно тривиальные примеры сократовского метода. Он, однако, остается таким же и в гораздо более грудных и запутанных исследованиях. Сократ неутомим в настойчивости, когда ему приходится идти по извилистым и разветвляющимся путям исследования и бороться с возрастающими трудностями. При этом решение иногда достигается; во многих же случаях приходится признаваться, что усилие было тщетно и погоню за убегающим зверем нужно отложить до другого раза. Высшая моральная добродетель исследователя, неистощимое терпение соединяется с одним из высших интеллектуальных преимуществ — безусловной непредвзятостью. Мы можем формулировать сократовское воззрение следующим образом: ни одно положение не настолько понятно само собой и не общезначимо, чтобы его не стоило исследовать и испытать его прочность; ни одно утверждение не настолько странно или парадоксально, чтобы не заслуживало доли внимания, чтобы не стоило исследовать основания, говорящие в его пользу, и не взвесить их с беспристрастностью судьи. Нельзя отказываться ни от какого анализа, как бы ни был он затруднителен; нельзя отбрасывать или пренебрегать никаким мнением, как бы ни было оно нежелательно. Большому сердцу и сильному уму афинского мыслителя удается соединить две почти несоединимые вещи: горячее рвение и самое бесстрастное спокойствие при исследовании высших стремлений человека. Суждение его не подкупается любовью, не затемняется ненавистью. Вообще он ненавидел только одно, «ненависть к слову» (misologia), великое препятствие безгранично свободного и беспристрастного исследования. Жизнь без перекрестного допроса и исследования разума (в форме диалога) — это жизнь, которую «не стоит жить».*

От формы и духа сократовских разговоров мы переходим к их содержанию. Здесь, однако, нам нужно идти обходным путем. В предыдущем изложении мы уже не раз упоминали

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

Платона, Ксенофонта, Аристотеля. О них, как учениках и учениках учеников Сократа, мы будем говорить позже. Но в качестве источников наших сведений об учении Сократа они требуют особого рассмотрения. От самого Сократа мы не имеем никакого письменного наследия, кроме четырех стихов, которые ничего не дают нам, даже если бы подлинность их была твердо установлена. Наше знание о его учении основывается на свидетельстве других лиц, главным образом вышеупомянутых. В отношении метода и духа его исследования среди указанных трех свидетелей совпадение настолько полное, что мы могли до сих пор оставлять вопрос об их достоверности незатронутым. Но, во всяком случае, вопрос этот требует ответа.

4. Наиболее обильный источник сведений мы имеем в творениях Платона. Все они написаны в форме диалога. Во всех диалогах, за одним исключением, выступает Сократ как говорящее лицо и — в большинстве случаев — как лицо, ведущее разговор. Это прославление учителя выдающимся учеником дает нам весьма много. Первоклассный художник, портретист слова, равно которому не было во всемирной литературе, Платон дает читателю вполне живой и ясный образ своего почитаемого друга. В верности его изображения нет ни малейшего сомнения. Оно вполне согласуется как само с собой, так и с другими свидетельствами. Об идеализации можно говорить в том смысле, в каком вообще она свойственна творениям великих портретистов. Существенные черты обрисованы ярко, все второстепенное и лишнее опущено или затенено. Правда, не надо забывать, что Платон совершенно не претендует на полноту изображения, и поэтому его молчание о той или иной подробности жизни Сократа или о его личных отношениях (например, к Архелая, к Ксенофону и т. п.) не нужно придавать значения. Совершенно иначе обстоит дело с дидактическим содержанием платоновских творений. Будучи творениями первоклассного оригинального мыслителя, они, естественно, содержат более чем простое изображение сократовских доктрин. В довершение всего от одного свидетеля, притом, как мы скоро увидим, самого важного, от Аристотеля, мы узнаем, что одно из основных учений Платона, так называемое учение об идеях,

было совершенно чуждо Сократу.* Учение это в различных сочинениях Платона подвергалось разным освещением и испытало несколько изменений, обусловливаемых как прогрессом самого автора, так и влияниями современников. Между тем Платон и свою основную доктрину, и все ее видоизменения вкладывает в уста Сократу.⁷ Мы видим, таким образом, что в этом отношении он позволяет себе полную свободу. В дальнейшем мы увидим, что известное ядро убеждений у него все-таки было общее с Сократом; увидим также, насколько, как ему казалось, он только развивал главные теории своего учителя в его же духе; увидим наконец, как, достигнув глубокой старости, он порывает со своим прошлым, а благодаря этому разрывает и нить, связующую его с Сократом; личность последнего отходит в диалогах на задний план, а затем и совершенно сходит со сцены.

Гораздо меньше художественной свободы, но несмотря на это не больше исторической достоверности в сообщениях Ксенофонта. Он был отличным офицером, но малоталантливым писателем. Досуг своей старости он употребил на то, чтобы в ряде сочинений дать характеристику Сократа и его учения. Наиболее обширное из этих творений — «Воспоминания о Сократе», которые согласно установившемуся словоупотреблению мы будем называть «Меморабилиями». Кто знаком с пером Ксенофонта по другим многочисленным его творениям, тот с доверчивым ожиданием отнесется к этому главному его сочинению и к трем примыкающим сюда, «Пиру», трактату о домоводстве и апологии, или защите Сократа. Можно было предполагать, что при отсутствии спекулятивной оригинальности и художественной потребности изложение выиграет в смысле точности. Но это ожидание оказывается не вполне оправданным, так как кроме вышеуказанных качеств у Ксенофонта не было и других необходимых свойств.

Сведения Ксенофонта о сократовских разговорах не вполне соответствуют истине. Это явствует из разбора самих его свидетельств. В начале трактата о домоводстве он заявляет, что сам присутствовал при разговоре Сократа с Критобулдом. Это сообщение неверно. В течение разговора упоминается событие,

о котором Ксенофонт не мог слышать от Сократа. Мы имеем в виду смерть Кира младшего, павшего в битве при Кунаксе (401), в лагере которого как раз в то время и находился Ксенофонт; он вернулся на родину много лет позже, уже после казни Сократа (399).^{*} Возникшее недоверие получает богатую пищу в дальнейшем, например, когда он подробно рассказывает о персидских делах, которые были так близки ученику и так далеки учителю. Ведь последний вообще никогда не посещал чужих стран и, за исключением паломничеств в Дельфы, покидал Афины только однажды, повинувшись долгу военной службы. Точно так же любовное описание всех подробностей возделывания полей, вполне понятное у сельского хозяина Ксенофонта, звучит странно в устах Сократа, который не выходил без нужды за ворота города, потому что луга и «деревья (фраза, вложенная ему в уста Платоном) ничему не научают». Таким образом, книгу о хозяйстве нужно вычеркнуть из числа строгих исторических свидетельств. Но напрасно мы захотели бы признать строго исторический характер за «Меморабилиями». Как отнестись к тому факту, что в этом сочинении так же подробно говорится о малоазиатских народцах, мизийцах и пизидцах,⁸ об особенностях их жилищ и способе ведения войны, как и в его «Анабазисе», т. е. в той книге, где Ксенофонт описывает возвращение десяти тысяч, в котором он сам принимал участие, и говорит при этом об этих народцах, хорошо ему известных, по личному опыту? Вполне ясно, что устами Сократа говорит сам Ксенофонт. Должны ли мы вывести отсюда, что пользование Сократом у нашего автора есть лишь художественный прием, что разговоры эти всецело фиктивны и что так и смотрел на них сам автор? Подобные мнения высказывались в последнее время; однако они представляются нам недоказанными. Уже само предположение, что Ксенофонт не пытается в своих сократических сочинениях сообщать факты действительности, находится в резком противоречии с задачей, которую он сам себе ставит в «Меморабилиях». Ведь он сам возвещает, что его задача опровергнуть обвинения, выставленные против Сократа (вероятно, по поводу брошюры ритора Поликрата).^{**} Он поль-

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.

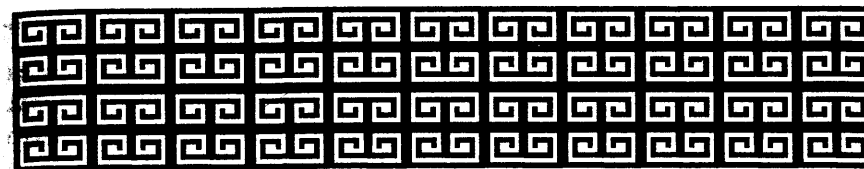
** См. прим. и доб. Т. Гомперца.

уется здесь не исключительно формой диалога, он рассказывает привычках Сократа и некоторые случаи с ним. «Он хочет, — говорит он, — дополнить также сообщения других учеников». Все это было бы бессмысленно, если бы он смотрел на передаваемые им разговоры как на простые фикции. «Истина и вымысел» — так совершенно правильно определили содержание его бесед. Совершенно невероятно, чтобы Ксенофонт мог только выдумывать и ничего не сообщать, чтобы он всячески напрягал свое не очень богатое воображение и совершенно не пользовался памятью! Вполне определенные признаки свидетельствуют о том, что далеко не все мысли, обороты и формулы, встречающиеся здесь, суть порождения его сравнительно скудного и шаблонного ума. Рядом с невероятно растянутыми фразами попадаются фразы до непонятности сокращенные, рядом с тривиальнейшими мыслями стоят выражения поразительной оригинальности и парадоксальности. Есть и такие беседы, в которых нет настоящего конца, и мы должны предположить, что передатчик просмотрел их основную мысль или, скорее, просто не понял ее.

Но как провести границу между подлинным и неподлинным, хотя бы с приблизительной вероятностью? Только в последнее время близко подошли к этому вопросу, и он получил, как нам думается, принципиально правильное решение. Если не желать следовать субъективному чувству — произвольно принимать или отвергать отдельные черты ксенофоновского портрета, если хотеть приписать Сократу и Ксенофону то, что поистине принадлежит им, то необходимо найти критерий оценки. Наши поиски не будут напрасны. С одной стороны, у нас есть другие многочисленные сочинения Ксенофонта, из которых мы получаем ясное представление о его характерных особенностях, отчасти объясняющихся условиями его жизни, а с другой стороны, мы имеем хотя не очень многочисленные, но вполне достоверные данные об учении Сократа. Оба критерия требуют очень осторожного применения.

Представить нашим читателям такое исследование во всех его подробностях не входит в задачи настоящего сочинения. Результат первой части его будет дан в главе, посвященной жизнеописанию и сочинениям Ксенофонта. Второй из указанных масштабов мы получаем из безусловно заслуживающих

доверия, хотя кратких сведений Аристотеля. В лице последнего мы имеем очень компетентного свидетеля с ясным критическим умом, человека, стоявшего достаточно близко к интересующему нас историческому явлению, чтобы быть самым точнейшим образом осведомленным о нем, и в то же время достаточно далеко, чтобы не предаться культу героя, поддавшись личному очарованию; изложение его не апология, не художественное прославление, оно вполне объективно. Правда, и из этого источника мы должны черпать с некоторою осторожностью. Иногда мы не вполне уверены, имеет ли Аристотель в виду исторического Сократа или лицо платоновских диалогов. Затем он упоминает о подробностях сократова учения, только когда это необходимо ему, большей частью с намерением опровергнуть его; поэтому он намеренно выдвигает одни лишь слабые стороны. Тем не менее, в особенности если мы будем остерегаться вышеуказанных источников ошибок, от свидетельств Аристотеля можно получить очень многое. Мы никогда не должны забывать об их неполноте. Ибо о том, что для Аристотеля, окруженного сократическими школами и принадлежавшего к одной из ее ветвей, было само собой понятным и критически неопровержимым, о том он меньше всего говорит. Но искать «свидетельств из первоисточников» для определения того ядра учения, которое обще всем оттенкам сократовского направления, совсем и не нужно. О великой причине великих последствий говорят эти последние. О прелести рая говорят реки, текущие из него и разливающиеся по всем странам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сократово учение

Никто не делает ошибок добровольно — эти слова выражают суть сократизма.* Они составляют ствол, который нужно проследить вверх к ветвям и вниз к корням. Положение это есть краткое выражение той мысли, что всякий моральный проступок имеет начало в интеллекте и основан на ошибке разума. Иными словами, кто знает, что правильно, тот так и поступит: недостаток разумения есть единственный источник всякого морального несовершенства.

Теперь нам понятно, почему Сократ придавал такое огромное значение прояснению понятий. Труднее объяснить себе, как эта безгранично высокая оценка интеллекта и его значения для жизни возникла в уме Сократа. Правда, стремление к замене неясных представлений и смутных чаяний ясно определенными понятиями и умозрениями является характерным для всей этой эпохи, которую мы в предыдущих главах охарактеризовали как эпоху просвещения. Стремление к развитию интеллекта, к применению его для просветления вопросов общественной и частной жизни, желание заменить предания приобретенным знанием, слепую веру зрячим мышлением — все подобные тенденции уже встречались нам. Нет также надобности сообщать об односторонностях, к которым приводило это направление мысли; например, к склонности неудачно национализировать прошлое человечества, в особенности начатки культуры, основания государства, языка и общества. Завершение всего того, что мы назвали интеллектуализмом эпохи, и составляет учение Сократа. До того времени думали, что не

* См. прим. и доб. Т. Гомперца.